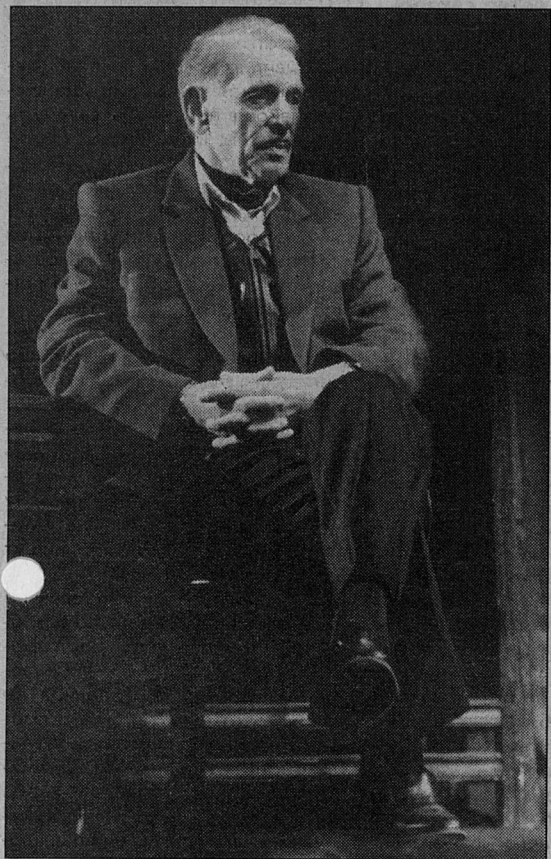

Прошел и не надломился!

22 марта народному артисту СССР Георгию Степановичу Жеженову исполняется 90 лет!

Современник Маяковского, Есенина, Цветаевой, Ахматовой, он родился в Петрограде в 1915 году. Закончил акробатическое отделение Ленинградского эстрадно-циркового техникума. Играл на многих провинциальных сценах.

В его жизни было несколько судьбоносных «ошибок». Например, дорогая многим «Ошибка резидента»... А первая - «Ошибка героя» - была еще немой (!) фильмом, в котором в 1932 году он впервые появился на экранах. Кинематограф так мощно подействовал на юного акробата, что он оставил цирковую карьеру и поступил на отделение киноактера Ленинградского театрального училища. Еще до его окончания Георгий Степанович успел сняться в нескольких фильмах: «Наследный принц Республики», «Золотые огни», «Комсомольск», «Чапаев». За роль в картине «Горячий снег» был награжден в 1975 году премией братьев Васильевых.

ИРИНА ПЛАВРИНА

Таймыр по комсомольской путевке? Но уже после публикации в журнале «Огонек» и после книжки «Омчакская долина» вопрос стал звучать иначе: «А за что вас посадили, Георгий Степанович?»

И хотя большинство спрашивающих не хуже меня знали, что репрессиям подвергались миллионы безвинных, мой ответ «Ни за что» никого не устраивал...

Человеческая память - гигантский музей, хранящий в своих «записниках» все невостребованное временем, все забытое.

Никаких других источников, по которым я мог бы сверить собственную память с действительностью, с фактами чудовищного произвола властей, в моем распоряжении нет. И спросить некого... Один за другим уходят из жизни последние свидетели - человек не вечен! Годы, проведенные в царстве ГУЛАГ, не способствуют долголетию. Среди товарищей по несчастью я был одним из самых молодых тогда.

До ареста я дневников или записных книжек не вел - легкомысленно надеялся на свою молодую память. Позже - в заключении, когда еще была надежда на возвращение, когда особенно хотелось запомнить все, что происходило со мной и вокруг меня, чтобы когда-нибудь на свободе рассказать обо всем людям, - вести дневниковые записи, а тем более хранить их было равносильно самоубийству.

В годы лагерного произвола увековеченных слов боялись больше, чем оружия. И не без основания: все беззакония всегда творились скрытно от народа!

Началом всех несчастий в нашей семье явился роковой декабрь 1934 года, когда был убит Сергей Миронович Киров.

В эти скорбные для ленинградцев дни университет в числе других предприятий и организаций города отдавал последний долг памяти партийного лидера, тело которого было выставлено для прощания в Таврическом дворце, недалеко от Смольного.

Стояли сильные декабрьские морозы. Мой брат Борис, студент механико-математического факультета университета, обратился к комсorghу своего курса с просьбой разрешить ему остаться. Показав на свои разбитые ботинки, он сказал: «Если я пойду в Таврический дворец, я обязательно обморожу ноги. Какой смысл? Кирову это не поможет».

Комсорг донес об этом в комитет комсомола университета, несколько извратив слова брата: «От того, что я пойду прощаться, Киров не воскреснет».

Последовало немедленное исключение из университета. И как следствие этого - лишение прописки, то есть права жительства в Ленинграде. Восстановился с трудом. Но в декабре 1936-го почтальон принес повестку, обязывающую брата явиться в Управление НКВД. В назначенный в повестке день Борис ушел в «Большой дом». Домой он оттуда не вернулся никогда!

Нам же с матерью перед отправкой

на этап («за антисоветскую деятельность») было разрешено свидание с ним...

Без жгучего стыда не могу вспомнить свое поведение в тот день... Когда я взглянул в его землистое лицо, меня вдруг захлестнула такая обжигающая душу жалость... Захотелось немедленно предпринять что-то. Утешить, подбодрить, вселить надежду. Я понес какую-то несусветную чушь насчет добросовестного труда из арсенала пропагандистских «сказок про белого бычка»... Не отчаиваясь, говорил я ему, постарайся хорошо работать в лагере. Твои семь лет проскочат за два-три года... Все будет хорошо!

С каждым моим словом Борис мрачнел, все больше и больше уходил в себя... В его жестком взгляде, устремленном на меня, читались стыд и презрение. Наконец он не вытерпел: «Пшел вон отсюда, болван! Позови мать».

Господи, какой я еще был мальчишка, теленок, смотревший на мир сквозь «розовые очки»! Да я не один - большинство были такими. С искренней верой и простодушием мы распевали лихо побасенки Лебедева-Кумача... Мы многого не знали! Не знали, не ведали, что в стране, «где так вольно дышит человек», тюрьмы уже под завязку набиты сотнями тысяч таких же, как и мы, ликующих жертв.

Дома, когда мы вернулись со свидания, мать показала несколько исписанных листов папиросной бумаги, переданных Борисом тайно от надзирателя при прощании.

- Вот, сынок, прочти!.. Боря передал.

Очень мелким, убористым почерком, экономно используя каждый сантиметр дефицитной бумаги, Борис хладнокровно анализировал ситуацию, в которой оказался он и другие заключенные.

Он почти не писал о себе, не жаловался. Со свойственным ему аналитическим складом ума он, как хирург, вскрывал весь ужас увиденного и пережитого в застенках внутренней тюрьмы НКВД... Рисовал картину полной беззащитности арестованных перед произволом слепой силы, когда тщетны любые доводы разума и логики, когда из последственных издевательством и пытками выбивают угодные следствию «признания» и «показания», достаточные для последнего осуждения.

Писал он и о методах, применяемых на Шпалерке, сравнимых разве что с методами гестапо, о которых охотно сообщали наши центральные газеты как о примерах чудовищного вандализма и надругательства над человеческой личностью.

Потрясенный, я тут же под неодобрительным взглядом матери в страхе сжег его записки в печке.

- Напрасно, сынок, напрасно... Прочитай бы как следует, повнимательнее. Кто знает, может, и пригодится в жизни.

Слова матери оказались пророческими.

Сразу после осуждения брата со всех нас, живших в одной квартире с ним, сначала была взята подписка о невыезде из Ленинграда, а вскоре, летом 1937 года, последовала и высылка в Казахстан. В ответ на мой отказ уехать мне было заявлено: «Не поедешь - посадим!»

Как странно тасуются карты... Ровно через год свое обещание НКВД сдержало, и Жеженов Георгий Степанович, 1915 года рождения, уроженец города Ленинграда, был осужден по обвинению... в шпионской деятельности.

Елена КУРБАНОВА.

Многие ленты с его участием стали классикой отечественного кино. Среди них: «Одиннадцатое июля», «Чужая родня», «Шторм», «На острове Дальнем», «День первый», «Ночной гость», «Исправленному верить», «Большая руда», «Человек, которого люблю», «Берегись автомобиля», «Судьба резидента», «Нечаянная любовь».

Судьба Георгия Степановича тесно переплетена с судьбой страны: актер был дважды незаконно репрессирован. «После ночи в 1938-м, когда за мной пришли двое в штатском и я стал «врагом народа», - рассказывал вашему корреспонденту Георгий Степанович, - мне уже ничего не страшно было в этой жизни». Он прошел ГУЛАГ, как, в общем, проходили его и все лучшие люди нашей страны. Прошел и не надломился! А по истечении десятилетий «враг народа» был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством». Таковы герои и такова мрачная ирония нашего многострадального времени.

Несмотря на свой преклонный возраст, Георгий Степанович активно участвует в работе кинофестивалей, возглавляя жюри, отборочные комиссии, встречается со зрителями. Мы же знаем Жеженова не только как талантливого артиста, но и как замечательного литератора. Его проза, воспоминания всегда отличались бесценным качеством - правдивостью.

- До того как был опубликован мой рассказ «Саночки», - вспоминает Георгий Степанович, - на творческих вечерах, в письмах, на улице люди спрашивали меня: «Вы поехали на Колыму и на